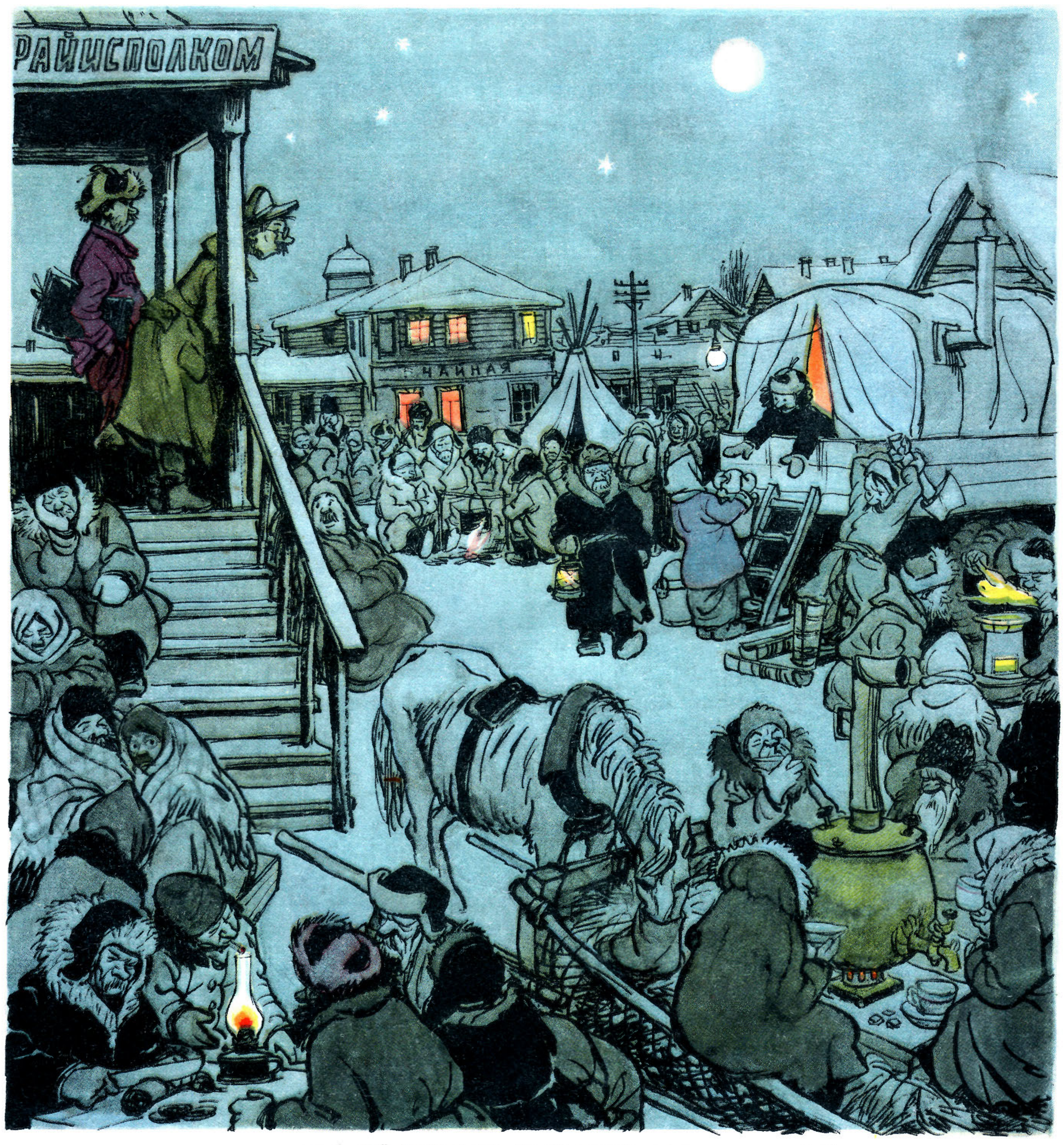
Рисунок И. СЕМЁНОВА.

Руководители колхозов и МТС теряют много времени на поездки по вызовам районных организаций.

— А ещё говорят, что мы не держим связь с колхозами! Их представители у нас днюют и ночуют...

КРОКОДИЛ

№ 6 (1368) МОСКВА 28 ФЕВРАЛЯ 1954 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXII ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

Предоставляю слово

начальнику Главного управления грузовой работы и планирования перевозок Министерства путей сообщения генерал-директору движения 2-го ранга Владимиру Павловичу ПОТАПОВУ

Сначала разрешите вспомнить любопытный, на мой взгляд, эпизод.

...Один из наших клиентов — директор предприятия — приехал по вызову в главк, чтобы разрешить некоторые вопросы, связанные с планированием перевозок. Он быстро закончил свои дела и собрался было уходить. Но тут возник новый вопрос, и его попросили задержаться.

— Долго я пробуду у вас? — заволновался директор.

— Минут пятнадцать — двадцать,— ответили ему.

— Двадцать минут! Спасибо, товарищи, удружили!

— А что случилось?

— Ничего особенного. Я уже собрался на вокзал и вызвал такси...

— Ну, оно обождёт.

— Вам хорошо говорить. Такси будет стоять, а счётчик тик-так, тик-так — отсчитывать мои кровные...

Словом, пока такси стояло, клиент сидел, как на иголках. Но самое интересное заключается в том, что наш директор не приходит в такое возбуждение, когда узнаёт, что товарные вагоны подолгу простаивают у стен вверенного ему предприятия. Впрочем, не только он один. Недавно нам довелось беседовать с другим клиентом на эту же наболевшую тему.

— Имейте в виду,— сказал я,— что наша бухгалтерия отсчитывает ваши денежки за простой...

— Ну и что?

— Как что? Уже сто двадцать тысяч насчитали!

— Только и всего? Заплатим, не волнуйтесь!

— Так это же вам надо волноваться, а не мне...

— Ну, знаете, по всякому поводу волноваться у меня нервов не хватит. А нервы у меня свои, не казённые...

Меня могут спросить, хотел ли я этим сказать, что этому директору следовало беречь государственные денежки так же, как и свои. Нет, не хотел. Мне почему-то всегда казалось, что государственную копейку нужно беречь больше. Осмотрительнее её расходовать. И, во всяком случае, не швыряться ею, как загулявший на ярмарке купец. Между тем многие хозяйственники не прочь показать свою широкую натуру за государственный счёт.

— Сколько с меня за простой? — небрежно осведомляется директор Заводоуковского леспромхоза Н. П. Горбунов.

— Миллион двести восемьдесят пять тысяч.

— Только и всего? Получите!

И, представьте, отсчитывает без звука денежки, и, как говорится, ни один мускул не дрогнет на его ответственном челе.

Впрочем, с удивительным хладнокровием выкладывает деньги не только товарищ Горбунов. Нашу постоянную клиентуру составляют ещё Унженский, Красноярский и другие леспромхозы и комбинаты — общим числом семьдесят шесть.

— Вы бы посовестились! — говорят им.— Вагоны у вас простаивают, а погрузочные механизмы работают на круг не более двух с половиной часов в сутки.

— А вы нам моралей не читайте! Сами с усами. Скажите-ка лучше: сколько с нас причитается?

— Десять миллионов!

И леспромхозы швыряют нам десять миллионов. Недаром теперь железнодорожники говорят: чем дальше в лес, тем больше штраф...

Любят жить пышно, курить дымно и управляющий трестом «Прокопьевскуголь» В. Д. Никитин и директор цементного завода «Гигант» П. Ф. Зникин. Первый выплатил миллион, второй — свыше двух миллионов.

Деньги эти нас не радуют, потому что десятки тысяч вагонов простаивают миллионы часов. А вагоны нужны для других грузов.

Не приводят в восторг железнодорожников товарищи Никитин, Горбунов, Зникин и другие.

Куда приятнее было бы услышать об этих широких натурах примерно такие отзывы:

— Ну и прижимистый народ! Они готовы с камня лыко драть, а из песка верёвки вить. С каждой государственной копейкой со слезами прощаются!

Ну, а пока этого о них не скажешь. Наоборот, приходится напомнить им с крокодильской трибуны во всеуслышание старую русскую пословицу: «Копейка рубль бережёт, а рубль голову стережёт!».

В том числе и директорскую.

В Туркмении возобновлён выпуск сатирического журнала «Токмак» («Колотушка»).

— РАЗРЕШИТЕ ВСТАТЬ В СТРОЙ!

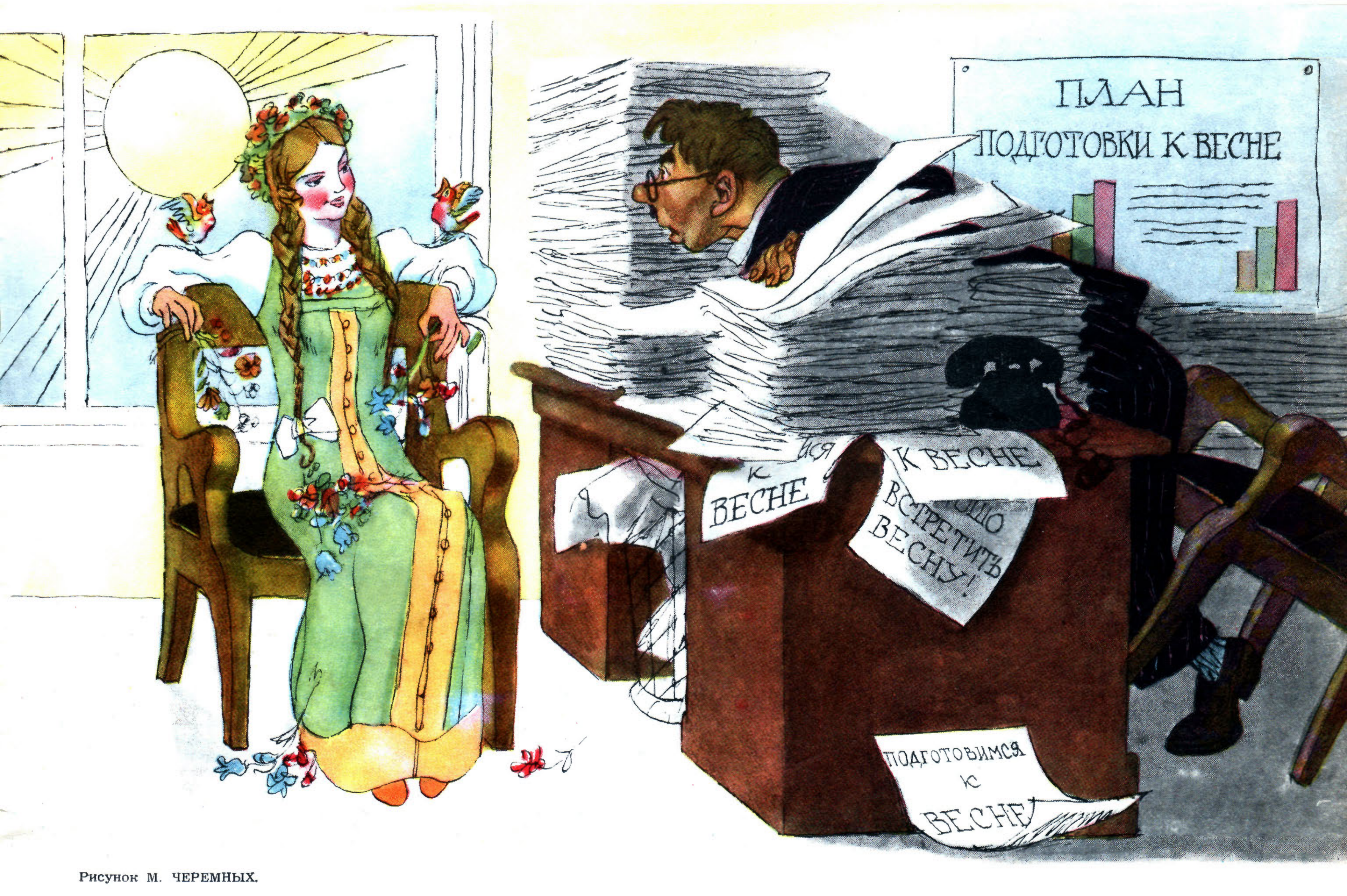

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

ЗАРАБОТАЛСЯ...

— Уф! Даже не заметил, как вы пришли!..

Степан ОЛЕЙНИК

Саливон Магарычный

В делах «магарычных»
Он парень привычный,
Любитель «ста грамм» — Саливон Магарычный.

Попав в бригадиры,
Не трудно причину
Найти, чтоб попьянствовать на даровщину.

Нужна вам подвода,
Чтоб, скажем, до дому
С колхозного поля доставить солому.

— Когда разрешите? —
Просительным тоном
При людях ведут разговор с Саливоном.

— Нельзя,— отвечает,—
Срывать работёнку!.. —
Берёт вас за локоть, отводит в сторонку

И шепчет тихонько:
— Конечно, как другу,
Была не была, окажу вам услугу...

И этак хитро
Подмигнёт, усмехнётся.
И вот вам солому доставили хлопцы.

Всё, словом, в порядочке,
Как говорится...
За стол за обеденный время садиться...

Но что там за топот?
Чей окрик там зычный?
Верхом заезжает во двор Магарычный.

В окошко стучит:
— Выходи, открывай-ка!
День добрый, хозяин, день добрый, хозяйка!..

Вы бросились к двери,
Вы двери открыли.
— В чём дело? Случилось что-либо? — спросили.

В ответ Магарычный
С улыбочкой хитрой:
— Заехал распить за услугу пол-литра!..

Не выставишь чарку —
Увидишь ты виды!..
Вовек Саливон не забудет «обиды»!

Услышит, что вы
Кабана закололи,—
Тотчас прибежит. Угощай поневоле!

— Ну, ставь магарыч,—
Объявляет вам с ходу,—
На мельницу, помнишь, давал я подводу?..

За нашу машину,
За нашу грабарку
Привык он задаром являться «на чарку».

Не зря говорят,
Что хапуга типичный —
Тот самый любитель «ста грамм» Магарычный.

Хорошие есть бригадиры,
Я знаю!
Я славлю их труд, от души поздравляю
Их с новым успехом,
Работой отличной!..
Однако ещё не исчез Магарычный.

И чтоб оказать
Саливону «услугу»,
Хочу показать в «Крокодиле» хапугу.

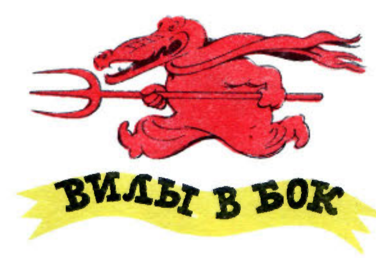
А вы в стенгазетах,
В частушках обычных
Берите, друзья, в переплёт магарычных!

Перевёл с украинского
Бор. ПАЛИЙЧУК.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Одни литературные критики безудержно хвалят книги Ф. Панфёрова «Волга-матушка река» и М. Шагинян «Дневник писателя», другие, наоборот, дают этим книгам уничтожающие оценки.

Литературные качели.

НА ТРИСТА ЛЕТ ВПЕРЕД

Когда работники Карягинской промысловой артели вскрыли увесистую посылку, они до глубины души были тронуты заботой Азербайджанского промсовета о своих низовых организациях. На этот раз Главтехснаб Азпромсовета прислал им триста бланков годового отчёта о работе грузового автопарка.

— На целых триста лет! — воскликнули восхищённые карягинцы.

Многообразие вопросов, содержащихся в отчёте, говорило о крайней любознательности Азпромсовета. И всё же, несмотря на исчерпывающий вопросник, отчёт содержал ещё и особое примечание: «В свободных строках указываются марки автомобилей, **непредусмотренные** формой отчёта».

Но одна из строк отчёта вызвала растерянность даже у самых находчивых работников артели: на всех бланках содержалось категорическое требование выслать отчёт «не позднее 20 января 1950 года». Не так уж просто выполнить такое требование в 1954 году!

При чтении бесконечных вопросов, содержащихся в бланках, перед работниками промартели встал ещё один вопрос: не действуют ли руководители Главтехснаба Азпромсовета совершенно безотчётно, направляя в промартель сотни отчётов?

Вопрос этот тем более уместен, что в «автопарке» Карягинской промартели... нет ни одной автомашины.

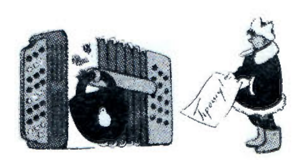
БАЯНИСТЫ И ФОРМАЛИСТЫ

Ну, как не посочувствовать человеку, душа которого тоскует о баяне! Особенно если человек этот живёт на дальнем Севере, как, например, Н. В. Копейкин...

Задумал тов. Копейкин выписать себе баян. Послал в Ленинград директору фабрики «Красный партизан» телеграмму с оплаченным ответом: так, мол, и так, будьте настолько любезны, сообщите точную цену баяна и условия его выписки.

И через двенадцать дней в посёлок Фролыч, Магаданской области, где проживает тов. Копейкин, пришёл ответ. Увы, это был совсем не тот ответ, которого он ожидал. Это было сухое и огорчительное уведомление от ленинградского телеграфа: дескать, вашу телеграмму на фабрике «Красный партизан» принять отказались «ввиду неуказания управления и отдела».

Провинился, значит, Копейкин: как это он, живя в Магадане, не знает в точности всей структуры производства фабрики «Красный партизан»!

Вот какие получаются казусы, когда с одной стороны стоят баянисты, а с другой — формалисты.

В общем пришлось тов. Копейкину наглядно убедиться, что на фабрике «Красный партизан» есть удивительно нелюбезные и холодные люди, пожалуй, даже более холодные, чем окружающие его снега дальнего Севера.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ, ПРИСЛАННЫХ НА КОНКУРС КРОКОДИЛА

Иван ГОРЕЛОВ

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ МОЧАЛКИНА

Инженер Нестеренко сидел в кабинете начальника отдела Антона Ивановича Власова и ожидал, когда тот посмотрит и распределит утреннюю почту. Они собирались ехать по делам службы на ближайший лесопильный завод.

Секретарь начальника, Тамара, молоденькая девушка с рыженькими завитушками на голове, то и дело выпархивала из приёмной, принося в палевых папках бумаги. Она держала их так бережно, словно в папках лежало хрупкое стекло.

— А это, Антон Иванович, личный пакет для вас. Из театра.

— Из какого театра? Ну-ка! — удивлённо пробасил начальник.

Нерешительно взяв пакет с красным типографским штампом, он извлёк из него два пригласительных билета, тиснённую бронзой программу и принялся читать:

— «Власову Антону Ивановичу. Вход через служебный подъезд». Нет, Тамара Петровна, это ошибка какая-то! Мы строители. Стандартные домишки сочиняем, а не драмы. Отправьте, пожалуйста, пакет обратно.

— Что вы, Антон Иванович! Это именно вам. Курьерша даже записочку с нашим адресом показывала: «Отдел стандартных домов». Разве можно обратно?! Третий ряд, середина. Да ещё на воскресенье. Смешно сказать!

— На воскресенье?

— Конечно!

— А сколько с меня причитается?

— Как сколько? Пригласительные, бесплатно.

— Ну хорошо! Оставьте в пакете. Вернусь — спрошу супругу.

Когда уселись в новенький удобный «ЗИМ», инженер Нестеренко закурил и сказал:

— А ведь билеты вам, Антон Иванович, думается мне, неспроста прислали.

— Как неспроста? — удивился Антон Иванович, расстёгивая расшитый ворот сорочки.

— По-моему, покушаются на вашу чистую совесть...

— Что за пустяки!

— Нет, Антон Иванович, не пустяки!

Начальник повернулся к своему собеседнику, желая, видимо, убедиться, шутит он или говорит всерьёз.

— Я вас не понимаю, Пётр Денисович!

— Сразу трудно понять. Это же ловкий ход. Хотите, поясню на примере?

— Сделайте милость.

— Лет пять тому назад, в бытность мою директором мебельного комбината, получил я вот так же, как и вы, парочку билетов на премьеру. Получил, как говорится, нежданно-негаданно. Ну, в театре не был месяца два, соскучился. Дай, думаю, пойду. И пошёл. Приезжаю в театр вместе с супругой. Меня, конечно, встречают. Администратор по имени-отчеству величает, помогает супруге пальто снять. Даже немножечко неловко было. Посмотрели пьесу. Хорошая, из морской жизни. Понравилась.

— Потому что на даровщинку! — рассмеялся Антон Иванович.

— Да нет! Действительно умная пьеса. Стали одеваться. Мне кто-то пальто подал, двери открыл. А через недельку ещё парочку пригласительных билетиков принесли. Опять на премьеру. Жена даже острить начала. «Что это,— говорит,— вдруг на нас с тобой новые пьесы обкатывать стали?» Пошли, посмотрели.

— И что же в этом особенного?

— Вот именно. На первый взгляд кажется, что ничего. Ведь не ты один на просмотре. А как подумаешь, становится не по себе. Загадочная любезность администратора начинала уже теребить мою совесть.

— Что же дальше?

— А дальше было так. Недели через две секретарь докладывает, что меня желает видеть администратор театра Мочалкин «по маленькому, пустяковому вопросику». Вошёл мужчина-красавец в чёрной паре, из кармана цветной платочек выглядывает. Вежливо расшеркался. Духами от него так и несло. И не дешёвыми. Щёлкнул лакированными штиблетами, отрекомендовался... и начал разговор об искусстве...

— Которое требует жертв...

— Да, о духовной пище, так сказать. «Как вам понравилась наша последняя вещица? Устраивает ли вас пятый ряд? Рады будем видеть вас на очередном просмотре». И так далее и в том же роде.

— Прелюдия, одним словом.

— Увертюра. Я сижу и изучаю его налощённую физиономию. «За каким дьяволом,— думаю,— пожаловал этот делец?» Он, видимо, прочитал мои мысли. Полез в карман и вытащил письмецо. «А мы к вам с миниатюрной просьбицей, Пётр Денисович. Прочтите, пожалуйста». Читаю: «Дирекция просит вас, уважаемый Пётр Денисович, отпустить для руководящих работников театра три спальных гарнитура из карельской берёзы». В то время это было дефицитным товаром, редкостью.

— И как вы выкрутились? — добродушно захохотал Антон Иванович.

— Знаете, пришлось выделить. Совести не хватило отказать. Кое-как оформили выдачу через склад. Деньги на счёт перечислили. «Ну,— думаю,— отстанет. И я наперёд умнее буду». Но не тут-то было, Антон Иванович. Сижу вечером — звонок. Беру трубку — Мочалкин. И опять прелюдия, опять стереотипные вопросы о здоровье, об искусстве. А потом просьба. Какой-то двоюродный племянник Мочалкина окончил институт нашей системы, и он просит похлопотать о нём. Я рассердился и грубо оборвал его...

— «И с той поры к Демьяну ни ногой»?

— И с той поры на премьеры только за свои трудовые.

— Н-да... Ну, положим, ты был директором мебельного комбината. Сам себе хозяин, так сказать. Материальные ценности в твоём распоряжении были. А с меня взятки гладки.

— Думается мне, Антон Иванович, что вас на красивую удочку ловят. Авось, клюнет, а потом и выклянчат у вас.

— Что? Резолюцию?

— Вот именно, звучную резолюцию и... парочку стандартных домиков для дирекции театра. Из «брака», конечно. За наличный расчёт...

Антон Иванович пристально посмотрел на серьёзное лицо инженера и призадумался.

— А ведь верно, чёрт побери!.. С этими премьерами в такую трясину можно залезть... И не заметишь, как засосёт.— Он вдруг засуетился и стал что-то высматривать из окошка машины.— А ну-ка, дорогой, подверните, пожалуйста, вон к тому телефону-автомату.

Антон Иванович с разбегу открыл дверцу кабины, опустил монету и набрал номер.

— Тамара? Алло! Тамара! Это я. Вам экстренное поручение. Возьмите, пожалуйста, пакет. Из театра который. Выньте программу спектакля и посмотрите внизу, как фамилия администратора. Я подожду... Как? Мочалкин? Вот что, дорогуша: запечатайте пригласительные билеты в тот же пакет и с курьером отошлите в театр Мочалкину. Лично, под расписку. Никаких «жалко». И вам нельзя. Чего там «смешно сказать»! Смешного здесь мало. Я вам, если будете стараться, на первый ряд к празднику куплю. Да, да. Значит, непременно под расписку. Как написать? Напишите: «Возвращается за ненахождением адресата». Они поймут. А расписку мне на стол положите. До свидания.

Антон Иванович грузно уселся на свое место, и машина тронулась.

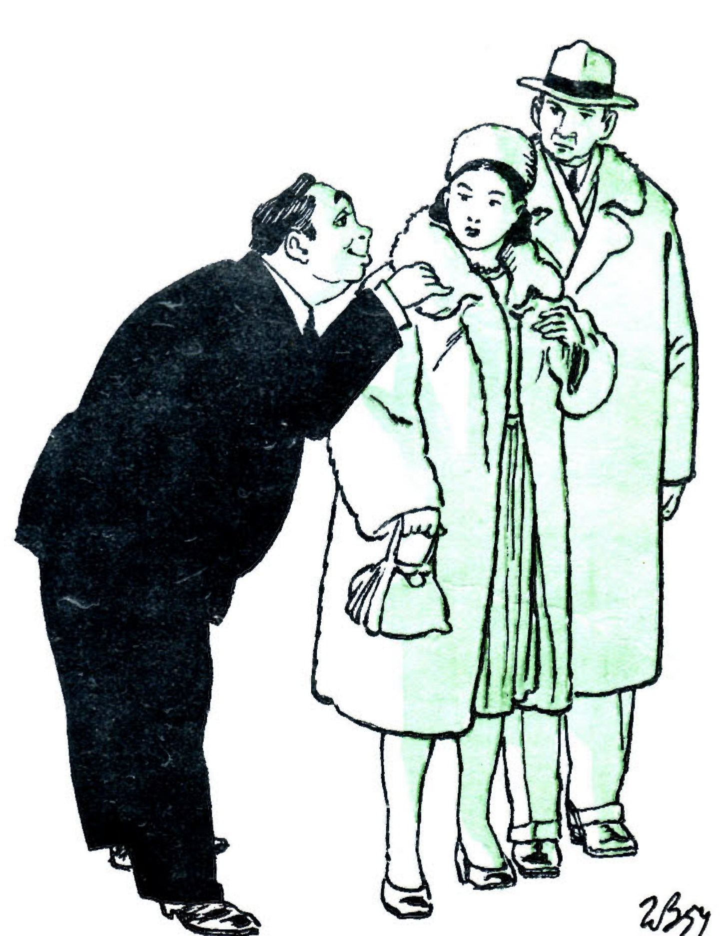
— Расквитались, Антон Иванович? — улыбаясь, спросил Нестеренко.

— Как будто...

Машина выскочила на шоссе и стремительно понеслась навстречу синему горизонту.

— А хорошо бы, Антон Иванович, у некоторых дверей рядом с надписями «Не бросайте окурков!», «Экономьте электроэнергию!» повесить махонькую такую табличку и написать: «Остерегайтесь взяток. В том числе и мелких!» — шутливо закончил Нестеренко.

— А можно ещё короче: «Остерегайтесь Мочалкина!»,— добродушно предложил улыбающийся Антон Иванович.

Рисунки Г. ВАЛЬКА.

Федя, погоняй!..

По дороге от Корсунь-Шевченковской МТС до города Богуслава быстро катится «ГАЗ-67».

Рядом с водителем сидит директор МТС тов. Яровой. Директор встревожен и торопит шофёра: «Федя, погоняй!..» Он спешит в Богуслав к управляющему межрайонной конторой Главмашсбыта тов. Песному.

— Вы, товарищ Песной, может, слыхали о сентябрьском Пленуме? — драматическим фальцетом спрашивает Яровой.

— Даже читал, — невозмутимо отвечает тов. Песной.

— Что-то незаметно. Поглядите: на дворе полная зима, а вы мне к тракторам подшипников не даёте!

— Бо нема, — равнодушно отвечает управляющий.

Возвращаясь домой в Корсунь по историческим славным полям, тов. Яровой надумал позвонить в Киев управляющему областной конторой Главмашсбыта тов. Бейзаку и пожаловаться ему на Песного.

Тов. Бейзак посочувствовал и сказал:

— Добре! Сделаем только для вас, дадим вам подшипников. Присылайте машину в Киев.

Когда представитель МТС прибыл в Киев к тов. Бейзаку, тот внимательно прочёл заявку и очень ласково сказал:

— Ничего не могу сделать. Нету подшипников.

Вместо подшипников тов. Бейзак написал Песному хорошую резолюцию. С душой написал, но Песной запчастей так и не дал. Вконец расстроенный директор МТС вскочил в машину и сам поехал в Киев к тов. Бейзаку.

Не застав тов. Бейзака, уже закипавший Яровой вошёл к его заместителю тов. Колеснику.

Короткий разговор кончился тем, что Яровой здорово хлопнул дверью, а тов. Колесник после его ухода долго пил холодную воду.

Вернувшись в Корсунь без подшипников и прочих запасных частей, Яровой в сердцах отправил в Киевский обком телеграмму с просьбой срочно вмешаться.

Через два дня раздался нежданный звонок из Киева. Звонил тов. Колесник.

— Здорово, Олексий Гаврилович! Чего ж ты хлопнул дверью и удрал в свой Корсунь? Ну и горячий же ты!.. Завтра рано-рано приезжай в Богуслав, и я там буду.

Приехавший в Богуслав тов. Колесник попросил Песного:

— Микола Трохимович, будь ласка, может, у вас найдутся подшипники?

— Немного есть. Можем дать.

Управляющий конторой тов. Песной охотно написал резолюцию, и через несколько минут нужные подшипники были получены.

Теперь остаётся подсчитать: сколько потрачено труда, бензина, времени, нервов, средств, чтобы Корсунь-Шевченковская МТС получила у тов. Песного некоторое количество запчастей для ремонта тракторов, если считать, что до Богуслава сорок километров, а до Киева целых двести?

М. ВЛАДИМИРОВ

ГОВОРЯТ, ГОВОРЯТ...

В ряде областей плохо ведутся работы по осушению болот.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

— Я слышала, наше болото собираются осушить?
— В твои годы я этого тоже боялась.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ, ПРИСЛАННЫХ НА КОНКУРС КРОКОДИЛА

В. РЕЗАНОВ

Лирические частушки

Пародия

Ревновать я не желаю,
Брошу ревнование,
Лиходейку вызываю
На соревнование.

Всю сердечную досаду
На работе вымещу —
Помидорную рассаду
Лучше прежней выращу.

Ныне очно и заочно
Все в меня влюбляются,
Потому что мной досрочно
Нормы выполняются.

Я на ферме сохранила
Каждого телёночка,
Показателем пленила
Своего милёночка.

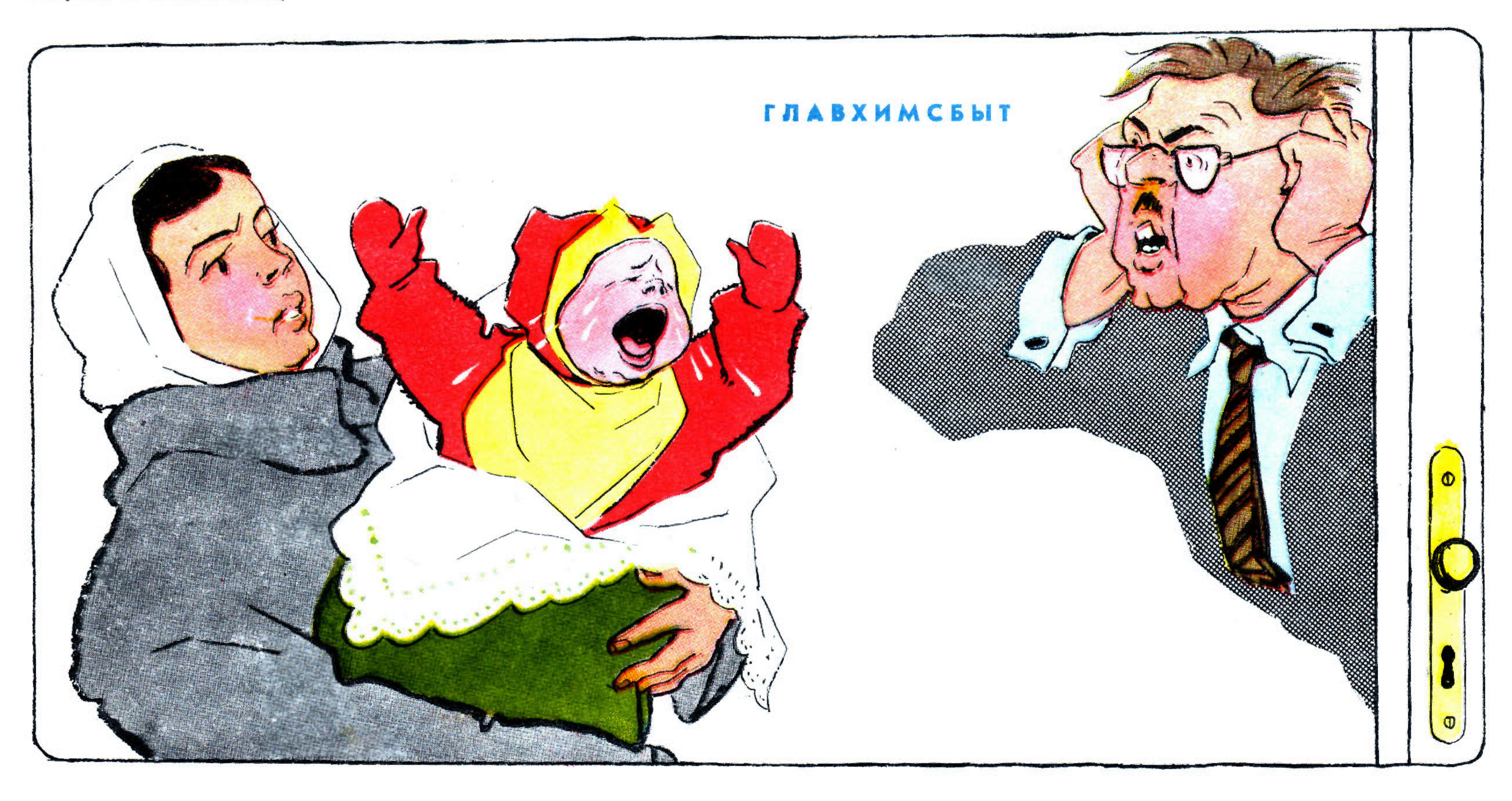
Нет нужды в его заботе,
Пусть он невнимательный,
Лишь бы был он на работе
Перепоказательный.

Я бы петь не стала это,
И милёнок дуется.
Но сказали нам поэты:
Так рекомендуется!

г. Омск.

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

— Успокойте наконец вашего ребёнка!
— А вы дайте ему соску!

ТАЙНА ТРЕХ БАТОНОВ

Утром выходного дня младший сын Евсеевых, Вовка, был командирован в ближайшую булочную за хлебом.

Сам по себе этот факт не имеет большого общественного значения, но события, последовавшие вслед за ним, представляют определённый интерес. Вернувшись из булочной, Евсеев-младший выложил на стол три батона. Необычный их вид сразу же обратил на себя внимание главы семьи.

— Это ещё что за продукция? — осведомился Пётр Алексеевич, критически разглядывая необычно узкие батончики.

— Это, папочка, «П/К»,— бездумно ответил Вовка.

— А что сие означает?

— Не знаю...

— И чего только люди не выдумают! — сказала бабушка Антонина Гавриловна.— Какие-то «пека».

— Ну и что ж,— вмешалась студентка-первокурсница Верочка.— «Пека»,— наверно, сокращённое название булки...

— Знаю! — закричал Вовка.— «Пека» — сокращённое слово «пекарня»!

— Вздор! — обрезал папа.— Вот что, Вовка, сбегай-ка ещё раз в булочную и точно узнай, что такое «пека».

Евсеев-младший мигом слетал в магазин.

— Продавщица не знает,— объявил он.

— Тогда придётся расшифровать самим,— сказал Пётр Алексеевич.

С этой минуты скромная квартира Евсеевых стала напоминать дом отставного генерал-майора Булдеева из чеховского рассказа «Лошадиная фамилия». Все мучительно пытались расшифровать смысл двух букв. Домашние то и дело подбегали к Петру Алексеевичу:

— «П/К» — простой калач!

— Пшеничный каравай!

— Подовый кирпичик! — сказала бабушка, захваченная всеобщим поиском.

Весь день Евсеевы безуспешно пытались проникнуть в тайну трёх батонов. И лишь к вечеру случайно забредший знакомый авторитетно разъяснил:

— «П/К» — пониженная кислотность. Это, так сказать, батон, несущий в себе медицинское зерно.

Диетические батоны выпекаются для тех, у кого повышена кислотность желудка. Сотни больных ищут и не находят эти батончики. Не находят потому, что загадочное «П/К» никем не расшифровывается. Словом, необходима реклама. Её нет. Так нужный хлеб не находит нужного покупателя.

Многие наши хозяйственники считают зазорным заниматься рекламой. В оправдание своей бездеятельности они изобрели теорию, что советский потребитель раскупит любой товар и, дескать, реклама нужна лишь капиталистической торговле. Это там выдают белое за чёрное.

В буржуазных странах пищевая промышленность посредством трескучей рекламы нередко сплавляет потребителю разную дрянь. Ещё Марк Твен писал, что, не будь американского примера, европейские пищевые фирмы не овладели бы «искусством отравления потребителя за его же деньги».

Но нам такая реклама не нужна. Мы не призываем выдавать хлебный квас за эликсир жизни, а бутылочное стекло — за перуанские алмазы. Всё дело в том, что и как рекламировать.

В московских магазинах месяцами лежат витаминизированные конфеты. Их неохотно раскупают. Потребитель не подозревает, что эти конфеты в известной степени могут заменить зимой свежие фрукты. Ждёт покупателя и халва фабрики «Марат» с витаминами «С» и «Д». Второй год не могут продать в магазине «Гастроном» № 39 фруктовое желе в порошке — продукцию Московского желатинового завода.

Эти и десятки других товаров нуждаются в рекламе — простой, ясной, доходчивой, дельной.

Однако не следует думать, что наш потребитель вовсе не видит рекламы. Время от времени его взор ласкают красочные щиты, листовки, этикетки. Реклама бывает предельно лаконичной или чрезмерно многословной. Лаконичная реклама строится по образцу «Волга впадает в Каспийское море», «лошади кушают овёс». Она сообщает азбучные истины, но... в виде приказа. Например: «Пейте пиво!» (варианты: томатный сок, грузинский чай, шампанское), «Ешьте мороженое!» (варианты: кукурузные хлопья, финики, пельмени).

Многословная реклама в отличие от лаконичной сообщает потребителю массу ненужных сведений. Если, скажем, рекламируется какао, то указывается, сколько в нём золы, если рекламируется минеральная вода, то вы обязательно узнаете, сколько в одной бутылке содержится граммов калия, натрия, гидрокарбоната, сульфата, свободной углекислоты и прочего. Авторы такой рекламы, видимо, так представляют себе задушевную беседу двух потребителей:

— Ты сколько, дружище, вводишь ежедневно в свой организм сульфата?

— А сколько нужно?

— Немного. 0,7160 грамма на каждый литр воды.

— Позволь, а где ты достаёшь сульфат?

— Там же, где и хлор (0,2346 грамма) и иод (0,000044 грамма). Все эти ценности я извлекаю из одной бутылки минеральной воды. Продажа во всех аптеках.

Итак, приходится констатировать, что в одном случае, если потребитель будет так же самоотверженно любознателен, как семья Евсеевых, он всё равно ничего не узнает о товаре. В другом случае он получит о нём столько сведений, что на их основе сможет написать чуть ли не научную диссертацию.

И то и другое не украшает нашу рекламу. А вообще-то говоря, её слишком мало для того, чтобы рассказать советскому потребителю о новых продуктах, которые всё в больших количествах поступают на рынок.

В. ЛИМАНОВСКАЯ

Мих. ЗОЩЕНКО

Рисунки Е. ЩЕГЛОВА.

Литературные будни

Сейчас многие жалуются на литераторов. И, дескать, они сухо пишут. И берут мелкие, мизерные темы для своих пухлых сочинений. Либо, более того, лакируют действительность неизвестно с какой стати.

Немало нареканий имеется также на однообразие языка и на полное отсутствие игривости в изложении.

Да, конечно, эти нарекания, между нами говоря, частично справедливы. Однако надо прямо сказать, что свои дефекты писатели, как говорится, не из пальца высосали. Следовало бы учесть все те сложности нашей профессии, какие нередко приводят авторов к вышеуказанным горестным результатам.

Тут мы записали некоторые моменты литературных будней. Эти сценки с натуры наглядно показывают, сколь непростое занятие — литература. В особенности для тех, кто почему-либо ещё не полностью освоил это производство, равное по вредности, быть может, только лишь изготовлению свинцовых белил. Вполне понятно, что тут не до игривости стиля.

Под огнём критики

Недавно одна писательница читала собравшимся литераторам свою новую повесть из колхозной жизни под названием «Раскрасавица весна».

Повесть эта, на мой взгляд, была посредственная, безбожно похожая на десятки уже напечатанных произведений. Однако при обсуждении повести мнения критиков резко разделились. Одни уклончиво хвалили повесть, другие гневно порицали, третьи усматривали в этом сочинении тот новаторский почин, который открывает широкие литературные дали.

Но всё же похвал было неизмеримо больше, чем порицаний. И даже один из выступавших, расхвалив повесть до небес, обернулся к писательнице и сказал ей каким-то елейным церковно-славянским тоном:

— Примите низкий поклон, Марья Львовна, от всех тех, коим поистине до́роги судьбы нашей письменности!

Зардевшись от этих слов, писательница скромно заявила собравшимся, что такую высокую оценку она не может принять на свой счёт, а относит её к достижениям сельскохозяйственной артели, о которой она писала.

Это заявление писательницы перекинуло разговор на дела сельхозартели и, в частности, на приусадебные участки, о которых в повести шла речь. По этой причине собравшимся так и не удалось сколько-нибудь суммировать свои разрозненные мнения о повести «Раскрасавица весна».

Такой разнобой в критических суждениях несказанно удивил моего соседа — страстного любителя литературы и, кстати сказать, весьма известного инженера-станкостроителя. Склонившись ко мне (во время обсуждения), он яростным шёпотом сказал:

— Ну, знаете ли, если бы у нас на производственном совещании случилось нечто похожее, то нам пришлось бы к чёрту свернуть всё станкостроение!

— Наше дело несколько сложнее вашего,— ответил я.— В нашем деле сколько людей, столько и мнений.

— Но это неправильно! — снова яростным шёпотом воскликнул инженер.— Критика — это наука, а не вкусовщина. И, стало быть, в вашей корпорации должно восторжествовать единое и справедливое мнение об этой дрянной повести!

— Да, это так,— согласился я.— Но, увы, на практике у нас этого почему-то не получается.

После обсуждения инженер сказал, поглядывая на меня, как на провинившегося школьника:

— Да-с, теперь мне понятно, откуда берутся литературные неувязки. У вас нет должной критики, этой основы всех производств!

И тут, до боли сжав мою руку, инженер воскликнул:

— Но я нашёл выход! Клянусь вам! Критикой должны заниматься люди авторитетные, умные и с безукоризненным вкусом.

— Вы правы,— согласился я,— но и в этих условиях могут произойти досадные неожиданности.

— Какие неожиданности? — удивился инженер.

— Многие неожиданности, которые будут зависеть от внутренних свойств характера критика...

Так беседуя, мы с инженером направились к выходу. У дверей мы повстречали писательницу, автора повести «Раскрасавица весна».

Алый румянец волнения уже погас на её щеках и сменился теперь непомерной бледностью. Поглядывая куда-то вдаль, писательница спросила нас скорее механически, нежели с чувством:

— Ну, а как вы нашли мою повесть?

Мне удалось промолчать, а инженер, внутренне заметавшись, негромко сказал:

— Изумительная повесть...

Почти не слушая слов, писательница удалилась. Растерянно поглядывая на меня, инженер пробормотал:

— Иначе неловко было сказать ей прямо в глаза...

Ужасно нахмурившись, инженер добавил к своему бормотанью:

— Чёрт знает что такое!.. Нет, я не мог бы работать в вашем деле!..

К вопросу о лакировке

Как-то осенью я повстречал на улице знакомую девушку Люку Н. Года четыре назад она окончила литературный вуз и вскоре после этого написала сгоряча несколько повестей и рассказов.

Один её посредственный рассказ был напечатан в журнале, а остальные произведения, как говорится, не увидели света.

И вот теперь, встретившись с Люкой, я спросил, как обстоят её литературные дела. Она изумлённо воскликнула:

— Как? Вы разве не знаете? Ещё два года назад я окончательно рассталась с литературой.

— Почему же так?

На этот вопрос Люка бурно и гневно заговорила:

— Нет, в литературе невозможно работать! Редакторы слишком энергично вмешиваются в наше де́ло: правят, утюжат, лакируют, причёсывают всех под одну гребёнку. Этим стирается авторская индивидуальность. Любое произведение, побывав в руках редактора, становится лакировкой жизни. Всё это превращает литературу в канцелярское занятие.

Я спросил Люку, чем она теперь занята. Она ответила:

— Сейчас я работаю фотокорреспондентом. И, откровенно скажу, чрезвычайно довольна этой специальностью. Это искусство требует в не меньшей мере и вдохновения и творчества... Кстати, не хотите ли пойти со мной в Зоосад, мне там надо заснять нескольких зверюшек.

Мы пошли в Зоосад. Там Люка сняла «лейкой» десятка два хищников. И, сияя от удовольствия, сказала, что эту свою плодотворную работу она хотела бы завершить одним лирическим снимком — катаньем ребятишек на ослике.

На площадке Зоосада стояла толпа ожидающих ребят. В небольшую приятную колясочку усаживалось пять — шесть малышей. И серенький, обшарпанный ослик нешибко катил эту детвору по круглой дорожке сада. Нам было забавно смотреть на ребят, ошеломлённых новизной впечатления.

Люка долго не снимала ребят, и я терпеливо ждал, когда её посетит вдохновение. Но когда ослик раз пятьдесят тупо и уныло пробежал возле меня, то я почему-то преисполнился к нему сильной ненависти и, не желая больше глядеть на его занятие, стал поторапливать Люку. Я сказал ей:

— Да вот снимите хотя бы эту группу ребят.

На это Люка сказала:

— Нет, эта группа ребят решительно не годится. Я хочу, чтобы в группе была какая-нибудь особенная девочка — такая, знаете ли, как куколка,— в шёлковом плиссированном платьице, в завитых кудряшках и с огромным бантом набоку.

— Люка,— осторожно спросил я,— вам редактор велел заснять такую девочку?

— Нет,— ответила Люка,— но мне самой кажется, что это украсило бы мой снимок.

— Но ведь такие девочки в искусственных завитушках не так уж характерны для нашей улицы,— заметил я.— Зачем же так долго ожидать того, что редко бывает?

На это Люка ответила:

— Да, но зато мой снимок будет яркий, праздничный, приятный для глаза.

Осёл ещё раз сорок протащил свою тележку возле нас, но Люка всё ещё не сделала снимка. Наконец, на моё счастье, на дорожке сада появился какой-то франтоватый малыш с мамашей. Этот малыш был одет необыкновенно — в модном пиджаке и в длинных брючках. В руке он держал небольшую тросточку.

Сначала мне показалось, что это идёт лилипут, но потом выяснилось, что это шествует обыкновенный ребёнок лет пяти, одетый родителями столь претенциозно. Во всяком случае, без смеха нельзя было глядеть на этого маленького пижончика.

Люка подбежала к матери этого малыша и стала её упрашивать, чтобы она на минуту посадила в коляску своего ребёнка. Однако мамаша категорически отказалась от этого. Она сказала:

— Нет, мой Владик подвержен ангине, и я не разрешаю ему быть возле ребят. Он может заразиться.

Тогда Люка дважды засняла малыша на дорожке сада и, подойдя ко мне, сказала:

— Я вмонтирую этого парнишку в общую группу. Вернее, я поставлю его возле ослика. И это ещё более украсит снимок.

Минут через пять мы расстались с Люкой. И когда она удалилась, я подумал: «Это хорошо, что она ушла из литературы».

Рассказ начинающего писателя

Этой осенью я написал небольшую повесть и отнёс её в одно издательство.

Через месяц зашёл за ответом, и, к моему удивлению, секретарша сказала мне:

— Да, ваша повесть принята и будет напечатана. Если хотите, обождите главного редактора — он через час вернётся.

В ожидании редактора я с превеликим волнением стал ходить по коридору. Но тут глаза мои увидели на одной двери белую табличку с надписью «Бухгалтерия».

Мне захотелось выяснить, сколько они мне заплатят за эту мою принятую вещицу.

Нет, я всем своим сердцем бескорыстно люблю литературу, и тут деньги для меня не играют решающей роли. Однако не стану кривить душой, скажу: денежный вопрос вносит-таки в это дело известное оживление.

Короче говоря, я зашёл в бухгалтерию выяснить материальную ситуацию.

Бухгалтер, перелистав мою рукопись, сказал, что мне заплатят за эту вещицу около семи тысяч.

Эта значительная сумма ошеломила меня и вызвала прилив творческой энергии. Захотелось ещё и ещё писать. И я тут же в коридоре, присев на диван, стал набрасывать план новой повести.

Но вскоре вернулся главный редактор. Он кратко сказал мне:

— Да, напечатаем вашу вещицу, хотя в ней и чувствуется некоторая незрелость. Но это свойственно начинающим авторам, от которых мы не вправе требовать немедленных достижений.

Взволнованный всем происходящим, я воскликнул:

— О, позвольте мне ещё немного поработать над моей повестью! Я хочу довести её до полного блеска!

Редактор похвалил меня за это намерение и дал месячный срок для завершения правки.

С этого дня я весь месяц просидел над моей повестью. Однако, не надеясь на свои силы, я привлёк к делу одного престарелого литератора, проживающего в нашем доме. Этот старый писатель почему-то даже прослезился, узнав о моём желании довести повесть до полного технического совершенства. Сквозь слёзы старик торжественно изрёк:

— Ах, молодой человек, за все шестьдесят лет моей литературной деятельности я и сам не более двух раз сподобился отшлифовать мои рукописи. Труд этот, поверьте, не даёт утешения сердцу и нередко вызывает слёзы. Но поскольку эта повесть не моя, то я ещё раз охотно окунусь с вами в священные воды искусства.

И тут старик, схватив карандаш, стал безжалостно вычёркивать из моей повести ряд сцен, множество диалогов и повторов, которые, как он сказал, затемняют дело.

Эту исправленную рукопись я снова отнёс в издательство. И главный редактор, ознакомившись с ней, воскликнул:

— Вот теперь ваша повесть в отличнейшем виде!

Через неделю я зашёл в бухгалтерию за получением гонорара. И тут, к моему изумлению, увидел, что мне выписано за повесть около трёх тысяч вместо семи.

Бухгалтер, защищаясь от моих нападок, сказал с усмешкой:

— Я-то при чём? Вероятно, вы позволили себе некоторую роскошь — сократили повесть. Вот и пеняйте теперь на самого себя.

Я сбегал к главному редактору, но тот сказал:

— Да, конечно, не возражаю, ваша повесть неизмеримо улучшилась после вашей доработки. Но вот это и отразилось на вашем гонораре.

Вечером, вернувшись домой, я долго не мог заснуть. Ходил по комнате из угла в угол и решал мучительный вопрос, как мне в дальнейшем поступать с моими будущими рукописями: оставлять ли их в том пухлом виде, в каком они вылились из-под пера, или же всё-таки сокращать их?

Жена, засыпая, сказала:

— Ай, поступай, как хочешь! Но только, по-моему, глупо выкидывать деньги из своего кармана.

Под утро я всё же решил сокращать мои произведения, но сокращать в умеренной степени. При этом подумал, что если бы в древние времена за стихи платили по строчкам, то гекзаметра, скорей всего, не возникло бы.

Вспомнилось из «Одиссеи» Гомера:

«Подлинно чудною повестью нас ты, мой гость, позабавил;
Нет ничего неприличного в ней, и на пользу рассказ твой будет...»

Нет, не возникли бы столь пышные строчки, если бы бухгалтерия древнего мира вмешалась в это дело!

Грубые ошибки

Недавно я рецензировал для издательства одну рукопись — роман незнакомого мне литератора.

Роман был построен чрезвычайно неумело, но некоторые его страницы говорили о несомненном даровании автора.

Я встретился с автором. Оказалось, что это уже немолодой человек, и поэтому я почёл нужным без всяких снисхождений сказать ему об его ошибках для того, чтобы он не повторил их в своих дальнейших начинаниях. Я прямо сказал:

— Вы записали в вашем романе истории жизни сорока человек. Каждая история в отдельности любопытна. Но эти истории, сложенные вместе, создали в вашем романе хаос. Ещё хорошо, что вы взяли сравнительно небольшое учреждение, где всего сорок человек, а не двести. Получилось бы совсем невыносимо!

Автор хмуро сказал:

— Я придерживался жизненной правды, записал то, что видел.

Мне неловко было говорить учительским тоном с этим немолодым человеком, но я всё же сказал:

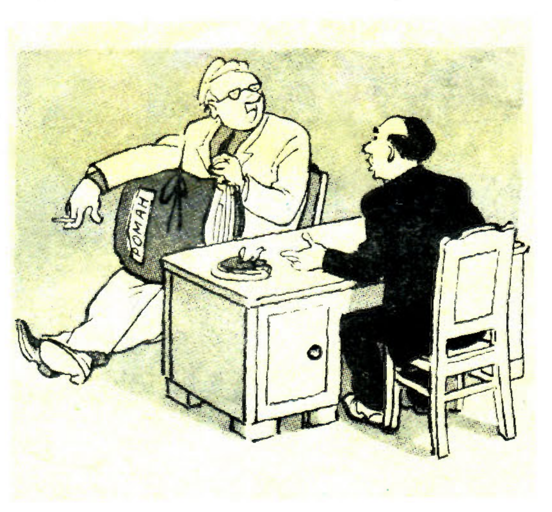
— Правда жизни в нашем деле достигается иным путём — более точными границами. Из всего учреждения вам следовало бы взять пять или шесть человек, тесно связанных между собой.

— А остальных куда же девать?

— На остальных можно было бы не обратить внимания или же отодвинуть их на задний план — сказать о них кратко, мимоходом.

— Ах, вот как надо писать!.. — пробормотал автор.

— Да, именно так надо писать,— подтвердил я.— И вам, как начинающему автору, следует покрепче запомнить это правило.

Ещё более нахмурившись, автор надменно сказал мне:

— Да, но позвольте, какой же я начинающий? Я уже двадцать лет работаю. У меня три книги, две пьесы и четыре киносценария...

Чрезвычайно сконфуженный этой моей ошибкой, я забормотал:

— Ах, вот как у вас!.. Простите!.. Я не знал... Меня никто не предупредил об этом...

* * *

Да, удивительно сложное дело — литература! В особенности она сложна в сравнении с другими, как говорится, смежными, профессиями.

Одно несомненно: написать роман — это не штаны сшить. А впрочем, не всякий портной и штаны сошьёт, если он столкнётся в своём производстве с такими парадоксами, какие мы отметили в этом фельетоне.

Тэд ТИНСЛИ

ПОСОБИЕ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ РЕНЕГАТОВ

Совсем недавно с чувством нездорового любопытства я прочитал показания, которые давало некое человекоподобное по имени Эйб Барроуз в комиссии конгресса по расследованию антиамериканской деятельности в Вашингтоне. Это человекоподобное добровольно выступало в качестве лойяльного свидетеля. Показания Барроуза мало чем отличались от показаний других подобных лойяльных свидетелей.

В наше время от лойяльных свидетелей вовсе не требуется, чтобы они продумывали каждый свой ответ. Поэтому я предлагаю им воспользоваться моим новым Кратким образцовым унифицированным показанием. В нём квинтэссенция всех лойяльных показаний, и им совершенно бесплатно можно пользоваться в будущем. После обычных вопросов и ответов о фамилии, роде занятий и прочих чисто технических формальностей Краткое образцовое унифицированное показание рекомендует следующее:

ЧЛЕН КОМИССИИ. Сотрудничали ли вы когда-нибудь с коммунистами?

СВИДЕТЕЛЬ. Да, одно время я действительно сотрудничал с коммунистами. О, разве я понимал тогда, что я делал?!

ЧЛЕН КОМИССИИ. Ставили ли вы когда-либо свою подпись под каким-либо воззванием?

СВИДЕТЕЛЬ. Да, меня обманом заставили подписаться под несколькими воззваниями.

ЧЛЕН КОМИССИИ. Какова заветная цель вашей жизни?

СВИДЕТЕЛЬ. Моя заветная цель — посвятить каждую минуту моей жизни борьбе против коммунизма и выдать всех моих бывших товарищей комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. И ещё одно моё сокровеннейшее желание: я отлично владею одёжной щёткой, и я был бы совершенно счастлив, если бы господин председатель комиссии разрешили мне почистить их одежду.

ЧЛЕН КОМИССИИ. Не хотите ли вы сказать, что в то время, как вы сотрудничали с коммунистами, вы были наивны, как ребёнок?

СВИДЕТЕЛЬ. Хуже, много хуже того! Я был тогда беспросветно глуп.

ЧЛЕН КОМИССИИ. Вы утверждаете, что вы были глупы?

СВИДЕТЕЛЬ. Да, да, по меньшей мере глуп. И мне незачем это скрывать. Я был дегенератом. Я был омерзителен. Сейчас я даже не могу себе представить, что человек может быть настолько отвратителен.

ЧЛЕН КОМИССИИ. Выкладывайте, выкладывайте всё, что у вас есть! Этих показаний явно недостаточно! Бросьте думать о попытке что-нибудь скрыть!

СВИДЕТЕЛЬ. Да, вы правы, всего этого явно недостаточно. Я был глупым, отвратительным, омерзительным, беспринципным дураком, негодяем, слюнтяем и идиотом! Да, я был настоящим идиотом! О, каким я был идиотом! Я был слишком туп, чтобы понять то, что я делал! О, как я был туп, как ужасно туп!

ЧЛЕН КОМИССИИ. Что ещё?

СВИДЕТЕЛЬ. Сэр, я могу мыть машины. Если у вас есть автомобиль, может быть, вы разрешите мне его вымыть? Кроме того я могу выстирать ваши носки, если пожелаете.

ЧЛЕН КОМИССИИ. На этом сегодняшнее заседание закрывается. А вы можете убираться.

СВИДЕТЕЛЬ. Простите, сэр, но мне хотелось бы убраться, не поворачиваясь к вам непочтительно спиной. Могу ли я убраться, пятясь задом, сэр?

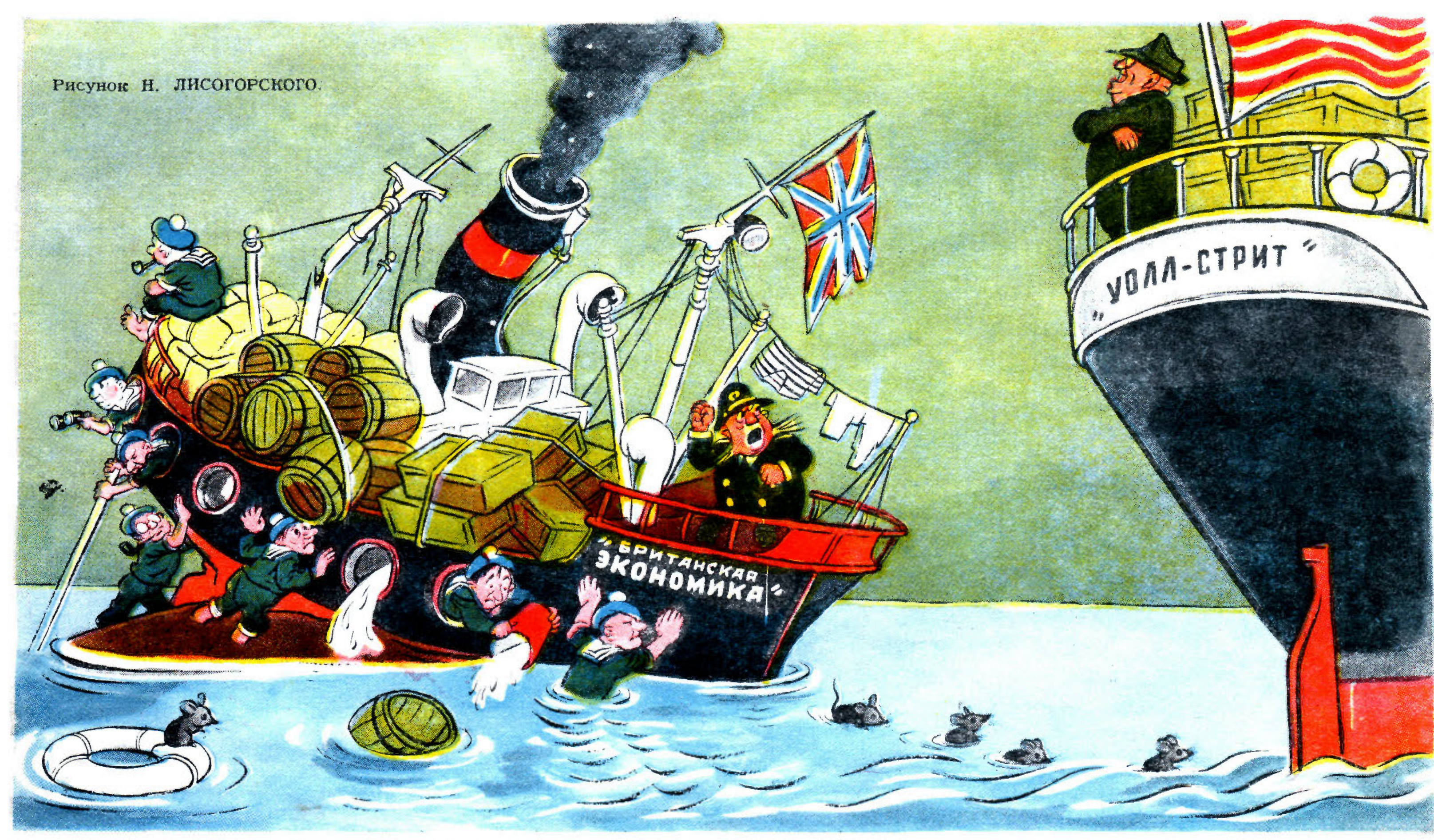
ЧЛЕН КОМИССИИ. Ну ладно, ладно, убирайтесь задним ходом.

Перевод с английского
из американской газеты
«Дейли уоркер».

Вашингтонские джунгли на Востоке.

Рисунок Ю. ГАНФА.

Уступал, уступал дорогу американским кораблям и сам сел на мель.

ПОЖАЛУЙТЕ БРИТЬСЯ!

Сыро и холодно в нью-йоркской гавани. В вечернем тумане ревут пароходы. С кулями и ящиками на плечах мелькают серые тени — грузчики.

Томми — здоровый парень. Он очень хочет работать.

Сегодня Томми бережно ощупывает в кармане профсоюзный билет. Без него не получишь работу — таков неписаный закон нью-йоркской гавани. За билет пришлось отдать профсоюзному боссу все сбережения, до последнего цента, — вступительный взнос, так сказать... А между тем с каким величайшим равнодушием были похоронены в широченном кармане босса томмины 250 долларов!

Как бы то ни было, Томми стал членом профсоюза портовых грузчиков.

Правда, чтобы получить наряд на работу, он ещё должен был «в знак особой признательности», как это официально именуется, преподнести подарок подрядчику. Нелегко было решиться на такое: подарок был куплен для Дженни. И когда подрядчик, небрежно помахивая перевязанной яркой ленточкой коробкой, удалился, сердце у Томми больно сжалось. Но умница Дженни не будет в обиде: ведь завтра он наконец-то начнёт работать.

Кажется, теперь всё было в порядке. Кажется...

Внезапно из прибрежного тумана выросло третье препятствие — человек, похожий на огромный куль, правая рука босса и правая же рука подрядчика. Так его и звали на пристани: «Райтхэнд» («Правая рука»). Человек-куль панибратски хлопнул Томми по озябшей спине:

— Считай, что твоё дело в шляпе, парень. Выкладывай деньги за бритьё и выходи завтра с утра на работу.

На небритом лице Томми изобразился немой вопрос. Собеседник, ухмыльнувшись, пояснил:

— Порядок такой, парень: если хочешь получать работу на пристани, то каждый месяц, и непременно вперёд, ты должен вносить деньги за бритьё в нашей парикмахерской... Дошло?

— Д-да... Но... у меня больше нет денег... И потом я ведь...

— Можно без философии, парень? Или выкладывай деньги или катись ко всем чертям.

Томми побрёл обратно в город. Дженни долго упрашивала его взять деньги из её копилки. Нет, она действительно чудесная девушка, его Дженни! После бесплодных споров она вдруг как бы случайно столкнула со стола свою красивую копилку-кошечку. Копилка разбилась. Серебряный смех Дженни смешался со звоном раскатившихся по полу монет. Потом они вместе сосчитали предсвадебные сбережения. Он вернёт ей эти восемнадцать долларов в первую же получку. Ведь скоро они обязательно поженятся. Нужно только заработать немного денег.

На следующее утро Томми можно было увидеть в злополучной парикмахерской. Он неловко восседал в удобном кресле. Под душистой пеной блуждала его широкая улыбка. Деньги были внесены. Райтхэнд остался доволен. Сегодня Томми начнёт таскать мешки и ящики.

— Не беспокоит? — любезно справлялся профцирюльник, оттягивая кончик томминого носа. Нет, пожалуй, клиента теперь уже ничто не беспокоило.

Когда наодеколоненный и сияющий Томми направился к выходу, он услышал за спиной жёсткий голос брадобрея:

— Если вы думаете, что я поработал над вашей физиономией только из любви к своей профессии, то вы глубоко заблуждаетесь.

— Но я заплатил за месяц вперёд!

— За месяц вперёд?! Где же эти деньги? Ничего себе, хороша шутка!

— Как! Вам не отдали деньги?

— Какие?

— Хэлло, что здесь происходит? — Этот вопрос принадлежал уже Райтхэнду, только что протиснувшемуся в дверь парикмахерской.

— Вы пришли как раз вовремя, сэр! — обрадовался Томми. — С меня требуют денег. Вы ещё не отдали их этому цирюльнику?

— Ах, деньги... — пробормотал Райтхэнд, метнув на Томми свирепый взгляд. — Да, действительно... Сколько с него?

— Доллар пять центов.

— Пожалуйста. А теперь мы пойдём.— И Райтхэнд подтолкнул Томми к выходу.

— Что ты здесь делал, щенок? — глухо спросил он, когда они вышли.

— Брился по вашему совету, сэр! — отрапортовал Томми.

— Так... Ты, что же, не знаешь порядков гавани?

— Но я же...

— Убирайся ко всем чертям, и немедленно! — Райтхэнд гулко выплюнул остаток сигары и бросил на прощание: — Чтобы я больше не видел тебя в гавани! Ну! Иначе познакомишься с моими парнями.

Долго бродил Томми по грязным портовым улицам. Он никак не мог сообразить, что же произошло. Порывистый сырой ветер с моря швырял в гладко выбритое лицо Томми хлопья снега. Нагловато ревели сирены. Томми незачем идти в город. А Дженни будет ждать...

...Недели через две, блуждая по городу в поисках работы, Томми забрёл в один скверик и присел на скамейку отдохнуть. Он поднял обрывок листа какого-то журнала и от нечего делать пробежал текст. Он читал всё внимательнее и начинал кое-что понимать. В статье говорилось о том, что рабочие, вынужденные вступать в профсоюзы, чтобы получить работу, становятся жертвами злоупотреблений. Томми узнал, что вымогательство может происходить, например, в форме парикмахерского рэкета: деньги, вносимые на «бритьё», исчезают в карманах тех же профсоюзных боссов; при этом в статье описывалась точно такая же история, какая случилась с ним самим. И Томми понял, что жёлтые профсоюзные лидеры сшиты по единой уолл-стритовской выкройке.

* * *

Восхваляя ныне царствующего председателя Конгресса производственных профсоюзов США Уолтера Рейтера, херстовская газета «Нью-Йорк джорнэл энд Америкэн» объявила его носителем «современной идеи ответственности профсоюзов за благосостояние своих членов». Что касается Томми, то он в этом убедился лично.

Н. ЗЕМСКОВ

В СТРАНЕ РАЗБИТЫХ НАДЕЖД

Это произошло в Токио. Общество собралось небольшое, но солидное. В комфортабельных креслах сидели приезжие американцы-сенаторы, смахивавшие на разведчиков, и разведчики, похожие на сенаторов, журналисты, делающие «общественное мнение», и специалисты по ведению «психологической войны», исследующие это самое мнение. Все с нетерпением ожидали докладчика, прибывшего из Штатов и занимавшего такое положение, что имя его передавали шёпотом на ушко соседу.

Наконец на трибуну поднялся со вкусом одетый мужчина и сильно ударил кулаком по пюпитру. Шёпот в зале смолк, все поняли: разговор предстоит серьёзный.

— Господа,— сказал оратор,— мы обеспокоены. Для беспокойства есть весьма веские основания. Мы имеем дело с эпидемией, которая распространяется непостижимо быстро. Возьмите, к примеру, эту страну — Японию. Один господь бог,— здесь докладчик поднял глаза к люстре,— знает, сколько мы сделали для этой страны. Тем не менее мы вынуждены констатировать: бацилла антиамериканизма проникла и сюда. Об этом говорит даже дружественная иностранная печать. Вот сообщение английского бюллетеня «Форин рипорт»: «Как обычно, несколько медлительные сначала, но затем быстро и легко усваивающие иностранные идеи и подражающие им, японцы сейчас с энтузиазмом восприняли лозунг «Аме-ко, каэре!»

Из зала робко послышалось:

— Простите, сэр, а что это значит?

В голосе докладчика зазвучали ехидные нотки:

— Вы что, невинность здесь собираетесь изображать? Первый день находитесь в Японии? «Янки, убирайтесь домой!» — вот что это значит...— Глотнув содовой, оратор продолжал: — Разумеется, появление подобных настроений следует рассматривать только как чудовищную неблагодарность со стороны японцев. В самом деле, мы для этой страны буквально ничего не жалеем. На Японских островах построено множество военных баз. Огромные пространства на суше и на море выделены под манёвры. Теперь на эти острова просто приятно посмотреть: куда ни кинешь взгляд, обязательно увидишь нашу военную базу. Между тем японцы жалуются. Видите ли, наши танки портят урожай, а школьники не усваивают арифметику под шум самолётов. Рыбакам мешают орудийная стрельба военно-морского флота и сети для защиты от вражеских подводных лодок... Одним словом, японцы не понимают, что им давно уже надо привыкнуть ко всем этим шумовым и прочим эффектам.— Оратор попытался изобразить улыбку.— Иногда жалобы японцев приобретают просто юмористический характер. Пациенты десяти японских больниц заявили, что у них началось нервное расстройство в результате шума, доносящегося с соседних аэродромов. Но японцы, к сожалению, не только жалуются. Не так давно инспекционная группа стратегической службы нашей армии не сумела обследовать участок на горе Мийоги, отведённый под строительство училища для американской армии. Жители посёлка с мотыгами и косами в руках преградили ей путь, установив поперёк дороги надпись «Убирайтесь вон!», написанную на этот раз для полной ясности по-английски... (Здесь докладчик выразительно посмотрел в сторону того, кто задал злосчастный вопрос.)

— Наша армия, господа,— продолжал он с пафосом,— несёт с собой наш американский образ жизни, высшую культуру, присущую нам. И — представьте себе! — японцы всё-таки недовольны! В японской печати всё чаще появляются статьи, где наших солдат называют насильниками и дегенератами. Японцы сейчас зачитываются книгой некоего Хироси Мидзуне «Чистота

Рисунок Бориса ЛЕО.

Японии». Эта бестия служил переводчиком на одной из наших военных баз и, надо отдать ему должное, чёрт его побери, отлично знает нравы наших парней! В его книге собраны письма пострадавших женщин. Послушайте только, что пишет в предисловии этот кандидат на виселицу:

«Всем работающим на американских базах известно, что американские офицеры и солдаты, ничуть не колеблясь, нападают на женщин в любое время и в любом месте, где они пожелают... Если женщина будет сопротивляться, то её убьют, и, даже когда она кричит, никто не осмеливается прийти к ней на помощь. Если кто-нибудь попытался бы это сделать, его приговорили бы к десяти или пятнадцати годам каторжных работ».

Господа! Почва Японии никогда не была особенно прочной. Но под нашими ногами она что-то уж слишком сильно колеблется. Даже наша собственная печать заявляет, что мы терпим в Японии крах. Журнал «Ньюс уик», например, так и озаглавил свою статью: «Разбитые надежды в Стране восходящего солнца».

Все сидели молча, потупив взоры. И тогда, надеясь исправить свою оплошность, поднялся незадачливый субъект, задавший в начале совещания неприличный вопрос.

— Но, господа, у нас есть и ободряющие факты. Вот что пишет, например, близкая к японскому правительству газета «Иомиури»: «Откровенно говоря, японский народ, хотя он и не выражает дружественных чувств к Соединённым Штатам, в целом можно считать проамериканским».

Докладчик снова громыхнул кулаком по пюпитру:

— Не валяйте дурака! Вы лучше спросите, во сколько нам обходятся такие статьи...

Воспоминание о расходах привело докладчика в ярость. Он, как говорится, сорвался, и дальнейшая его речь носила столь выразительный характер, что дрожащая стенографистка успевала лишь торопливо ставить одни многоточия.

Больше никто выступить не решился. Совещание закрылось, так и не выработав мер по борьбе с бациллой антиамериканизма.

Б. ГРИБАНОВ

Два студента Торонтского университета (Канада), сынки крупных дельцов, с помпой провели каникулы на экзотических Багамских островах и возвращались самолётом на родину. В попутном аэропорту Палм-Бич (США) самолёт сделал посадку. Студенты вышли на твёрдую почву поразмяться, но тотчас были окружены плотным кольцом патрулировавших представителей иммиграционных властей.

— Ваше имя?

— Роджерс.

— К какой политической организации принадлежите?

— Позвольте...

— Ну!

— Ой, больно! Да какое вы...

— Не пищать! Согласно закону Маккарэна.

— Ой! Я вице-президент клуба молодых членов прогрессивно-консервативной партии в Торонтском университете. Мой папа...

— Достаточно. Вы арестованы. Джек, наручники сюда!

Щёлкнул замок. Дюжий блюститель законности повернулся к приятелю Роджерса:

— Ваше имя?

— Бултби.

— К какой политической организации принадлежите?

— Позвольте...

— Ну!

— Ой, больно! Да какое вы...

— Не пищать! Согласно закону Маккарэна.

— Ой! Я член исполнительного комитета ассоциации молодых членов прогрессивно-консервативной партии в провинции Онтарио. Мой папа...

— Достаточно. Вы арестованы. Джек, вторую пару наручников!

Конвоируя пленников, блюстители законности обменивались впечатлениями:

— Вот выдумали: прогрессивно-консервативная партия! А ведь, сдаётся мне, прямо из Москвы к нам пожаловали. Неплохо?

— Да-с. Только знаем мы все эти фиговые листки! Не проведёшь нас! А ну, красные сосунки, прибавьте шагу!

Позже выяснилось, что энциклопедические познания изменили агентам американской охранки. Оказалось, что студенты никакого, даже самого отдалённого отношения к прогрессу и коммунизму — в чём их уличали — не имеют. Было установлено также, что прогрессивно-консервативная партия — всего лишь крупная партия канадской буржуазии.

Однако слово «прогрессивный» так оскорбило слух иммиграционных держиморд, что для освобождения студентов потребовалось всё-таки вмешательство самого министерства иностранных дел Канады.

Если в зачётных книжках Роджерса и Бултби есть графа «Американская демократия, практический курс», то они могут смело проставить в ней отметку: «Сдано».

А. ВИХРЕВ

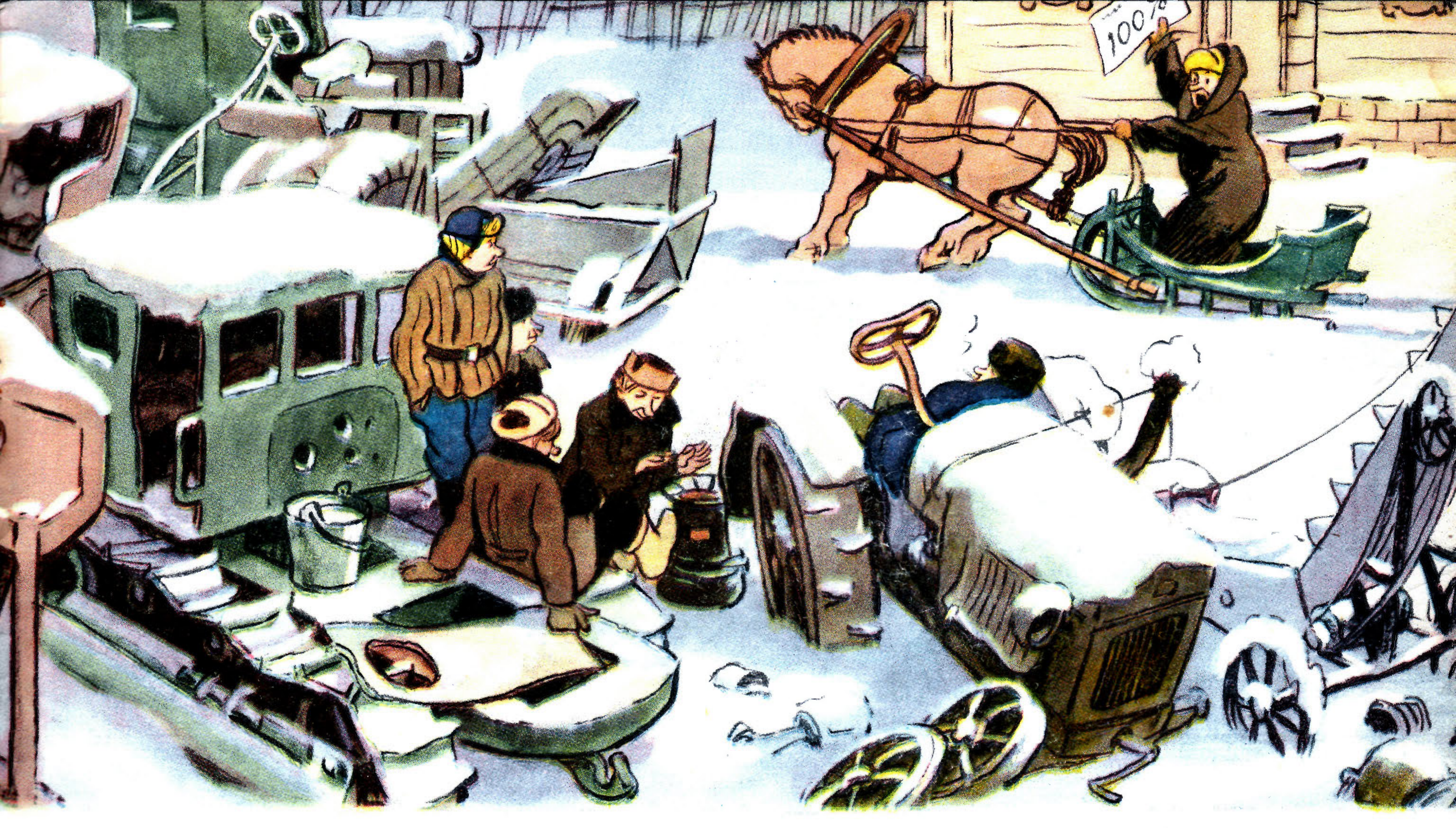

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

— Ребята, не подведите, приступайте к ремонту! Сводку о готовности тракторов уже сдаю!..

Мороженое из огурцов

Город Иваново. Фойе театра. На стенах, специальных витринах и стендах выставлены... нет, не портреты артистов, не красочные макеты декораций, а диаграммы и экспонаты. Пестрят надписи: «Овощеводство», «Животноводство», «Садоводство», «Пчеловодство». Короче говоря, в фойе областная сельскохозяйственная выставка.

— И какого только «водства» тут нет! — говорит пожилая текстильщица, восхищённо оглядывая выставку.— Взглянуть приятно! Капуста, морковь, огурцы, картофель, свёкла... Всё такое свеженькое, крупное. Жаль вот, что табличка висит: «Руками не трогать!» Эх, если бы такие свеженькие да в магазины!

Заинтригованный этими словами, исторгнутыми, кажется, из самых глубин души женщины, я вышел на главный проспект и зашёл в магазин, над которым красовалась вывеска «Овощи и фрукты».

Затеваю вежливый разговор с продавщицей.

— Мне бы чего-нибудь кисленького,— говорю и шарю глазами по полкам.

— Кисленького? — приветливо улыбается продавщица.— Пожалуйста, вот уксус. Первый сорт!

— А как насчёт огурчиков, капустки?

— Счастливый вы! — радостно восклицает продавщица.— Как раз огурцы привезли, в кабинете директора оттаивают. Там печка. Вечерком приходите — отогреются. А капусты этой зимой у нас вовсе не бывает: дожди!

— Что значит дожди?

— Ну, те... которые с неба. Помните, ещё в школе учили: «...дети кричат и бегут за дождём». Дожди, окаянные, вскруг города шли. Всю капусту смыли. Прахом пошла...

— Не мешало бы редьки купить,— в раздумье говорит одна из покупательниц и тоже шарит глазами по магазину.

Лицо продавщицы опять выражает радость:

— Горького захотелось? Пожалуйста! Вот водочка! Ах, не подходит?— Глаза продавщицы совершают прогулку по этикеткам, как по цветущему саду.— Так возьмите сладенькое. Вот вишневая наливочка. А может быть, вам хочется клюквенной? Любую выбирайте. И фрукты и ягоды заменяет. Ах, вам надобна редька? Чего нету, того нету. А насчёт огурцов не беспокойтесь: оттают — и пустим в продажу. После водочки и такие в закуску пойдут! А хороших нет: дожди помешали.

— Дожди... дожди... — вздыхает покупательница, засовывая в карман пальто авоську.— Нашли оправдание!

Смущённый этим замечанием, иду я в областной торговый отдел. В просторном кабинете сидит заведующий Яков Иванович Лебедев. Рассказываю ему обо всём, что видел, что слышал... Лицо его даже не нахмурилось, брови его и не пошевельнулись.

— Дожди...— говорит он бесстрастным тоном.— Торговые организации тут совершенно не при чём. Овощи были смыты дождями.

— А что вы скажете насчёт морозов?

— При чём тут морозы? — недоумевает Лебедев.

— Допустим, что колхозам дожди мешали. Но ведь вы и от морозов страдаете? Солёные огурцы и помидоры у вас на базах замораживаются. Тут уж торговые организации, должно быть, повинны?

— Что вы говорите?! — Лебедев снимает телефонную трубку, набирает нужный номер и кричит:— Горторг? Лобачёва! Нет? Герасимова! Слушай, что вы там делаете? Зачем вы мороженые огурцы в продажу пускаете? Нельзя этого допускать! Ни в коем случае! Учу вас, учу — никакого толку! Мороженые огурцы надо по линии общественного питания направлять. Что-о? Не знаете, какие блюда из них делать? Ну, это самое...

— Мороженое,— машинально подсказываю я.

— Мороженое! — кричит Лебедев в телефонную трубку и вдруг, покосившись на меня, торопливо поправляется: — Нет, не мороженое, а это самое... рассольники! Да, да, рассольники! Конечно, отличный рассольник получится! Что-о? Гнильё? А вы какую-нибудь приправу придумайте, чтоб не пахло! Сами придумайте, я же не кулинар! — Вздохнув, Лебедев поворачивается ко мне всем телом: — Проклятые дожди! Когда лето сухое, так и огурец суше бывает. А тут... чуть морозом прихватит его — сразу гниёт. А торговать надо!

Я уходил, а вслед мне доносились слова заведующего областным торговым отделом:

— То дожди, то морозы! Прямо беда с ними!..

Фёдор КРАВЧЕНКО

г. Иваново.

Рисунок Ю. ФЁДОРОВА.

КЛОП-ЧЕРЕПАШКА

ХЛЕБ

УВОЛИТЬ

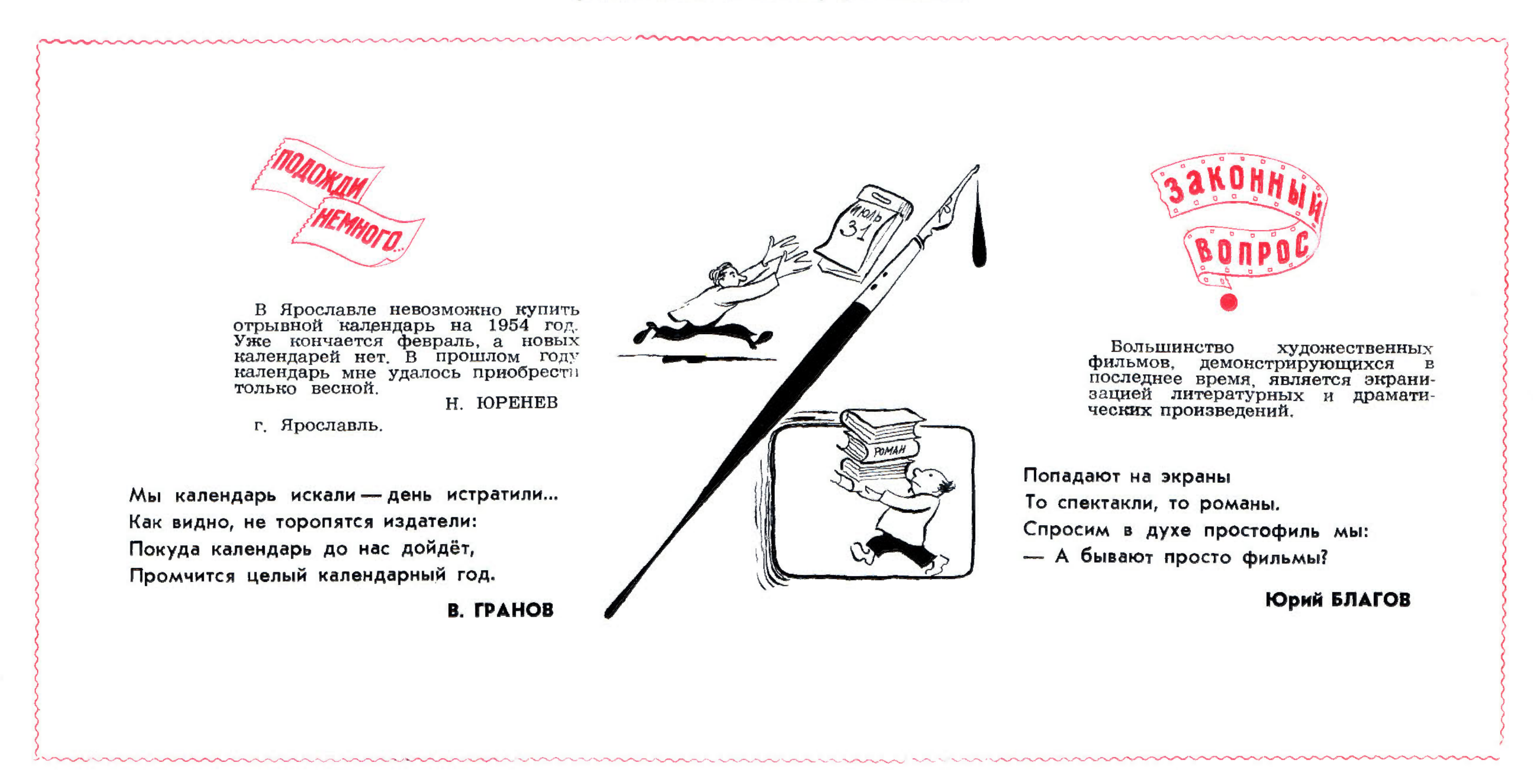
ВЫГОН

ЛОБОГРЕЙКА

КАРТОФЕЛЕСАЖАЛКА

Ю. Ф.

Сельское хозяйство в представлении некоторых руководящих работников сельхозучреждений.

ПОДОЖДИ НЕМНОГО

В Ярославле невозможно купить отрывной календарь на 1954 год. Уже кончается февраль, а новых календарей нет. В прошлом году календарь мне удалось приобрести только весной.

Н. ЮРЕНЕВ

г. Ярославль.

Мы календарь искали — день истратили...
Как видно, не торопятся издатели:
Покуда календарь до нас дойдёт,
Промчится целый календарный год.

В. ГРАНОВ

ЗАКОННЫЙ ВОПРОС

Большинство художественных фильмов, демонстрирующихся в последнее время, является экранизацией литературных и драматических произведений.

Попадают на экраны
То спектакли, то романы.
Спросим в духе простофиль мы:
— А бывают просто фильмы?

Юрий БЛАГОВ

Дорогой Крокодил!

Дорогой Крокодил!

Если ты заглянешь до конца зимы в парикмахерскую Трубетчинского сельпо Липецкой области, глазам твоим предстанет редкостное и оригинальное зрелище.

Пряча в воротники шуб покрасневшие носы, ожидают своей очереди посетители. Мастера тоже в зимних пальто, так же, как сидящие перед ними клиенты. Попробуй разденься, когда в помещении минус два градуса!

Время от времени слышатся краткие диалоги:

— Гражданин, вы можете чуть поменьше дрожать, чтоб я вас не порезал?

— П-п-постараюсь...

— Разрешите освежить одеколончиком?

— Нет уж, спасибо, мне и так свежо!

Но вот в голосе мастера появляются особенно почтительные нотки:

— Вас не беспокоит?

Это, как обычно, уже несколько лет подряд принимает бесплатную брадобрейную процедуру председатель сельпо Василий Степанович Хлебников.

И нам, в свою очередь, хочется спросить председателя:

— Вас не беспокоит, что в вашем ведении находится такое некультурно-бытовое предприятие?

Сотрудники районной газеты «Стахановец полей» Н. КОНОНЫХИН, М. КЛИМКИН, А. МОРОЗОВ, И. БЛАНДОВЦЕВ

Товарищ Крокодил!

Ты, вероятно, знаешь песенку про петуха, который рано встаёт, голосисто поёт и детям спать не даёт? Нам петухи тоже не дают спать. И не только по причине слишком голосистого пения.

Который уже год наш совхоз не может полностью сдать государству положенную по плану птицу. Ни Ужурский мясокомбинат, ни районная заготскотконтора не принимают её: у нас, мол, и с крупным рогатым скотом хлопот полон рот, некогда с вашими мелкими пернатыми возиться.

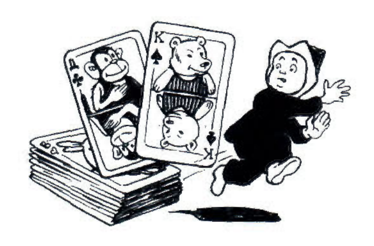
Вот опять в нашем совхозе оставлено на «сверхсрочную службу» шестьсот петухов. Что с ними делать, ума не приложим. Может, эту петушиную филармонию в районный центр на гастроли отправить? Пусть они там поют и кому следует спать не дают.

И. ЖЕЛЕЗНЯКОВ

Совхоз Озёрный.
Хакасская автономная область.

Уважаемый Крокодил!

Обращаемся к тебе с убедительной просьбой: помоги нам сохранить наш родительский авторитет и растолкуй, как играть в детскую настольную игру «Дили-бом». Мы, как ни пытались, самостоятельно не могли этого сделать, хотя добросовестно проштудировали все восемь страниц приложенных к ней правил. Впрочем, если мы и постигнем с твоей помощью тайны этой игры, то всё равно не разрешим своей шестилетней дочери играть в неё. Уже первое знакомство с правилами убедило нас, что «Дили-бом» — это вводный курс для начинающих картёжников: те же 36 карт в колоде плюс одна («Дили-бом»), те же взятки. Как сказано в наставлении, «по окончании игры каждый подсчитывает свой выигрыш»!

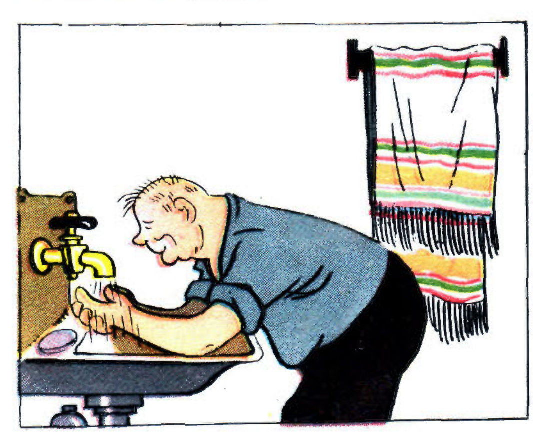

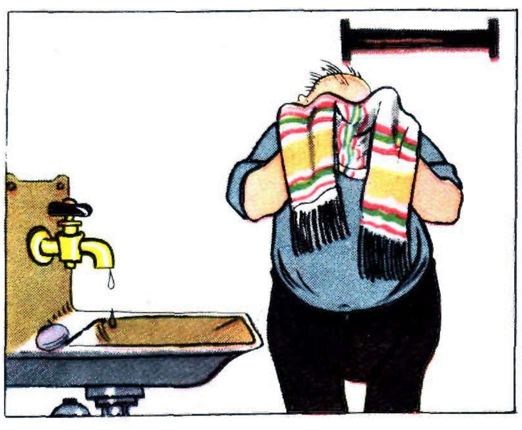
И ещё одна просьба. Удовлетвори желание московского издательства «Росгизместпром» и сообщи ему наш отзыв об игре «Дили-бом»: простая замена карточных королей и валетов картинками вроде полевых цветов и кроликов детской игры ещё не делает.

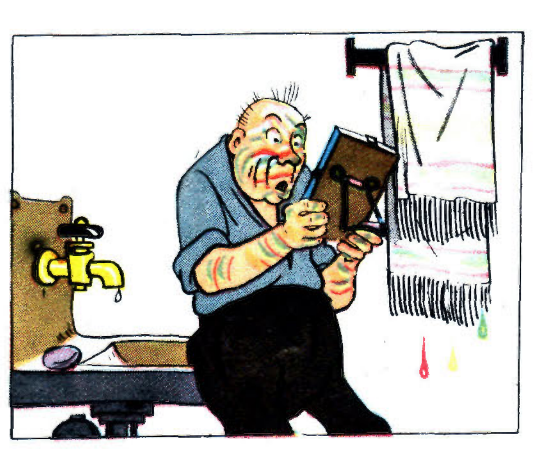
В. и П. КОНОВАЛОВЫ

г. Ленинград.

Рисунок Н. ГОРБУНОВА.

Картинки без слов.

Дорогой Крокодил!

Редкий пример находчивости показал недавно председатель нашего колхоза тов. Перебоев.

Купил колхоз для свинофермы ценный агрегат — кормозапарник. Помещение для него соорудили.

— Радуйтесь, хрюшки! Не придётся вам больше грызть мёрзлый картофель.

Но нежданно-негаданно возникла в колхозе проблема: где раздобыть дополнительную тару для перевозки молока на маслозавод? Вот тут тов. Перебоев, мастак на технические выдумки, и решил:

— Покажу-ка я, как надо использовать новую технику!

Вскоре одна часть кормозапарника, превращённая техническим гением Перебоева в тару для молока, взяла курс на маслозавод, остальные же части агрегата очутились в углу сарая.

Не кажется ли тебе, дорогой Крокодил, что наш председатель проявил себя столь же изобретательным, как и небезызвестный Тришка при починке своего кафтана?

А. НЕФЛЯЕВ

Колхоз «На страже».
Читинская область.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 165. Подписано к печати 22/II 1954 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

А 00740. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 616. Тираж 400 000 экз.

Рисунок Б. ПРОРОКОВА.

ПАПИНА «ПОБЕДА».